

Оригинальная статья
УДК 316.472.4
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-4-43-52>

Общение в зеркале социальной семиотики

Надежда Васильевна Казаринова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
NVKazarinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5047-0022>*

Введение. Предметом обсуждения являются коммуникативные ресурсы, которые отбираются партнерами из огромного разнообразия языковых средств, функциональных стилей, риторических приемов, а также предметной деятельности и посредством которых порождается общее семантическое пространство между индивидами.

Методология и источники. В качестве методологической платформы предложены принципы праксис-ориентированной социальной семиотики. Будучи одним из относительно поздних направлений семиотических исследований, социальная семиотика фокусирует внимание не столько на знаках или знаковых системах, сколько на социально-обозначающих практиках как регулярных, повторяющихся, узнаваемых типах действий: действия участников коммуникации наделяются свойствами знаковых систем, посредством которых отношения между индивидами обнаруживаются, делаются видимыми и осмысленными. Анализ механизмов производства смысла, с точки зрения участников события, осуществляется с использованием понятия «дискурсивные практики», понимаемых как способы оперирования речью в качестве условия решения разнообразных практических межличностных задач.

Результаты и обсуждение. По мере того, как человек осваивает разнообразные межличностные дискурсивные практики, ему становятся доступны различные системы отношений. Конкретные дискурсивные практики позволяют индивиду презентовать разные варианты своего «Я», обосновывать и оправдывать свои действия, поддерживать отношения доминирования и/или подчинения, тем самым демонстрируя владение коммуникативной ситуацией. Следуя принципам праксис-ориентированной социальной семиотики, можно утверждать, что межличностные отношения задействуют то, что называют дискурсом доверительности, личностной вовлеченности в отношения, интимности/близости.

Заключение. Выявленные символические регуляторы позволяют не только семиотически осмысливать социальные позиции взаимодействующих сторон, но и предлагать процедуры самоконтроля и арсенал коммуникативных действий участникам межличностной коммуникации в качестве средств управления поведением в ситуациях межличностного общения.

Ключевые слова: социальная семиотика, межличностная коммуникация, дискурсивные практики

Для цитирования: Казаринова Н. В. Общение в зеркале социальной семиотики // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 4. С. 43–52. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-4-43-52.

© Казаринова Н. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Communication in the Mirror of Social Semiotics

Nadezhda V. Kazarinova

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
NVKazarinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5047-0022>*

Introduction. The subject of this article is communicative resources, which are selected by partners from a huge variety of linguistic means, functional styles, rhetorical techniques, and subject activities, and through which a common semantic space between individuals is generated.

Methodology and sources. As a methodological platform we propose the principles of praxis-oriented social semiotics. Being one of the relatively late trends of semiotic research, social semiotics focuses attention not so much on signs or sign systems as on social signifying practices as regular, repetitive, recognisable types of actions: the actions of communication participants are endowed with the properties of sign systems through which relations between individuals are discovered, made visible and meaningful. The mechanisms of meaning production, from the point of view of the participants of the event, are analysed using the concept of 'discursive practices', understood as speech actions in order to solve a variety of practical interpersonal tasks.

Results and discussion. As an individual learns a variety of interpersonal discursive practices, different relational systems become available to him/her. Specific discursive practices allow individuals to present different versions of their self, justify their actions, maintain dominance and/or subordination relations, thus demonstrating mastery of the communicative situation. Following the principles of praxis-oriented social semiotics, it can be argued that interpersonal relationships involve what can be called a discourse of trust, personal involvement in relationships, intimacy/closeness.

Conclusion. The described symbolic regulators allow not only to semiotically comprehend the social positions of interacting parties, but also to offer self-control procedures and an arsenal of communicative actions to the participants of interpersonal communication as means of behaviour management in situations of interpersonal communication.

Keywords: social semiotics, interpersonal communication, discursive practices

For citation: Kazarinova, N.V. (2024), "Communication in the Mirror of Social Semiotics", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 4, pp. 43–52. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-4-43-52 (Russia).

Введение. Научное обсуждение различных аспектов межличностной коммуникации реализуется преимущественно в рамках социально-психологического знания. Вместе с тем смещение фокуса исследования в область коммуникативного знания выявляет иные факторы, конституирующие взаимодействие. Согласно базовой установке коммуникативной традиции в социальном знании, вступающие в социальное взаимодействие люди не могут делать точные заключения о внутренних причинах, побуждающих их партнеров действовать так или иначе. Потому предметом наблюдения и интерпретации являются языковые и неязыковые действия, имеющие для вступающих в коммуникацию людей определенный смысл и запускающие их ответную реакцию. Иначе говоря, значения, которые коммуникаторы придают сообщениям (как своим, так и другого), не заданы заранее, но создаются, производятся, конструируются в процессе коммуникативного взаимодействия посредством

дискурсивных процедур и практик, зависящих от контекста и в то же время приводящих в действие социально узнаваемые типы контекстов. В данной статье рассматриваются ресурсы праксис-ориентированной социальной семиотики, нацеленной на прояснение символических средств конституирования различных контекстов межличностного общения.

Методология и источники. Обсуждаемые в этой статье методологические ресурсы праксис-ориентированной социальной семиотики позволяют сдвинуть ракурс с традиционного для семиотической традиции анализа знаковых систем [1, с. 94–96] на практики, «производящие» социально значимые тексты, на то, как социальные агенты представлены и контролируются в качестве субъектов дискурса в конкретных областях социальной практики [2, р. 6–7]. В фокусе их внимания оказались социальные практики наделения значением (the social meaning-making practices) или семиотические практики, посредством которых и формируются семиотические отношения между материальными процессами и социальными действиями [2, 3]. Любой наделенный значением объект рассматривается как социальная конструкция, т. е. как продукт социальных практик/материальных процессов, имеющих определенное значение в данном сообществе: когда мы реагируем на что-то (на вещь, человека или событие), мы воспринимаем это как единство физического (биологического) и социального процессов, как то, что имеет размер, форму, цвет и одновременно имя, ценность и определенный набор полезных функций, т. е. связано с представлением о том, что с этим можно/нельзя делать.

Результаты и обсуждение. Формулируя положения социальной семиотики, М. Холлидей предложил рассматривать язык не как сеть правил, но как ресурс: «В повседневной жизни мы встречаем людей, творчески использующих ресурсы значений и постоянно их модифицирующих. <...> Мы можем представить язык как ресурс, в терминах выбора, который нам доступен. Значения, образующие социальный контекст, реализуются посредством отбора из множества значений, потенциально заложенных в языке» [2, р. 24].

У. Эко развернул семиологическое описание модели смыслопорождающего механизма следующим образом: «...В миг достижения адресата сообщение “пусто”. Но это не та пустота произведения-воронки, отсутствующего произведения, которую постулирует “новая критика”, это готовность к работе некоего означивающего аппарата, на который еще не пал свет избираемых мною, чтобы высветить его смысл, кодов. Но как я узнаю, что это смыслопорождающий механизм? Благодаря тому, что в самый миг получения я высвечиваю его некими фундаментальными кодами... <...> Сообщение мало-помалу наполняется смыслом, но стоит только несколько измениться обстоятельствам адресата, а кодам расслоиться, как в сообщении врываю-ются новые смыслы. <...> Предложить код – это значит выдвинуть гипотезу и прикинуть, что из этого выходит. Предложенный код выявляет определенные значения, но затем он сопоставляется с другими кодами, лексикодами и подлексикодами для того, чтобы убедиться в том, что все коннотативные возможности сообщения исчерпаны...» [4, с. 367–368].

Обратим внимание на содержащиеся в этом отрывке методологические установки социальной семиотики:

- необходимость процедуры *выбора* кода;
- форматирующее воздействие выбранного кода на процесс опознания значения;
- сохранение определенной меры произвольности и в то же время социальной заданности при выборе кода;

– принципиальная невозможность достижения однозначного определения содержания сообщения даже при относительно сходном определении обстоятельств коммуникативного взаимодействия участниками коммуникации.

Б. М. Гаспаров, в свою очередь, заявлял о семиотическом значении текстуальной рамки как интегрирующей силе, «позволяющей посмотреть на какой-то отрезок непрерывного потока языковых впечатлений как на коммуникативный артефакт, подлежащий осмысливанию» [5, с. 325]. Презумпция текстуальности, по Б. М. Гаспарову, это «готовность, даже потребность представить себе нечто, осознаваемое нами как высказывание, в качестве непосредственно и целиком обозримого феномена» [5, с. 324], само стремление говорящего субъекта к «последовательности» является важнейшим смыслообразующим фактором. Текст должен обладать изначальным потенциалом связей, смысл которых заведомо ясен для воспринимающего и интерпретирующего этот текст субъекта. Если таких связей слишком мало или мы не способны такие связи обнаружить, текст воспринимается как бессмысленный или малоосмысленный, банальный, неинтересный, непонятный.

Семиотическая работа в коммуникативном взаимодействии становится актуальной при несовпадении позиций коммуникаторов, принуждая последних к выявлению и распознаванию смысловых маркеров. Содержание этой работы направлено на коммуникативное фокусирование, т. е. на необходимость придать работе мысли большую определенность и большую осязаемость. Это достигается использованием в сообщениях специальных маркеров стиля, жанра, эмоции, контакта с адресатом, актуализирующих имеющиеся в опыте коммуникаторов впечатления, ощущения, оценки того, что можно ожидать от конкретного разговора (или статьи), конкретного партнера, данной темы, сложившейся ситуации. В современной лингвистике признается, что в процессе взаимодействия говорящий и слушающий совершают прямо противоположные действия: по цели (быть понятым – понять сказанное), по способу действия (трансляция – восприятие), по каналу передачи (речевой канал – слуховой анализатор) и т. д. Одним из кардинальных различий в подходах коммуникаторов к характеру собственной деятельности становится стремление к экономии изложения говорящим в противоположность тенденции к избыточности средств выражения в интересах получателя речи. Иными словами, говорящий заинтересован в экономной системе порождения текста; слушающему же важно, чтобы само сообщение было разборчивым и понятным [6, гл. 1, § 2, с. 19–32].

Разрабатывая тему коммуникативного фокусирования, авторы социальной семиотики предложили выделять разнообразные виды социальных контекстов и соответствующие семиотические практики контекстуализации на основании различия используемых субъектами средств восприятия, оценки и сигнализации о происходящем. Так, Дж. Лемке различает синтагматические, парадигматические, индексические контексты и соответствующие им интерпретации значений действий, событий, текстов [3].

Синтагматический контекст задает анализ действий (событий, слов) в их последовательности (до и после). То, о чем говорится, или то, что написано, всегда имеет синтагматические отношения с другими элементами в более крупных образованиях. Например, вопрос преподавателя студентам при чтении лекции может быть рассмотрен как часть произнесенной им фразы, как составной элемент сценария проведения занятия или как необходимый прием, связывающий сказанное с темой лекции в целом. Сам вопрос может включать слова,

которые уже использовались в учебном занятии или приводились в учебнике. Речевые обороты, включенные в вопрос, могут напоминать студентам о чем-то, что они изучали раньше в рамках данной дисциплины или в других курсах.

Парадигматический контекст сдвигает внимание на слова или действия, которые могли быть использованы в ситуации, на возможные альтернативы и неиспользованные возможности. «Ни один текст не может быть прочитан, ни одно действие интерпретировано без принятия во внимание того аспекта его значения, который вытекает из существования или возможности альтернативных или конфликтующих способов речи и действий внутри одного и того же сообщества» [3, р. 247].

Индексический контекст выявляет ситуационно-сопряженные события. Значение, казалось бы, одних и тех же действий, их правильность или ошибочность прямо зависят от того, кто их исполняет, насколько они типичны для конкретной социальной группы. Иначе говоря, индексическая контекстуализация раскрывает причины придания различного смысла одной и той же теме в зависимости от обстоятельств, прежнего опыта или ее ассоциативного восприятия участниками коммуникации.

Обращение к различным видам контекстов при обсуждении происходящего, открытость любого выработанного значения для бесконечного переозначивания является скорее правилом взаимодействия между людьми.

Концептуализация семиотических практик включает также разработку понятий «семиотические ресурсы» и «семиотические формации» [3]. *Семиотические ресурсы* представлены разнообразными знаковыми системами – это язык, телесные движения, графические знаки, одежда, пища и др. Информация о ресурсе – это информация о том, какие слова, изображения или действия могут иметь смысл в данном сообществе (культуре, группе). Организованные определенным образом семиотические ресурсы обозначаются термином *семиотические формации*. Данное понятие призвано фиксировать относительно стабильные элементы в процессе повседневных социальных действий, все то, что привычно, обычно и потому предстает как модель осмысленного действия, что обеспечивает минимальную кратковременную предсказуемость, необходимую для социальной согласованности. Значительное отклонение от признаваемого в данном сообществе паттерна какого-либо действия (семиотической формации) приводит к утрате смысла данного действия для других, не говоря уже о том, что то или иное действие может осмысливаться совершенно иначе различными группами (культурами).

Методологическая рамка, задаваемая изложенными принципами праксис-ориентированной социальной семиотики, раскрывает природу межличностного общения посредством указания на дискурсы доверительности, личностной вовлеченности в отношения, интимности/близости. Коммуникативным фокусом межличностной коммуникации становятся поиск, испытание, подтверждение взаимности между индивидами. Поскольку фундаментальные вопросы любой межличностной коммуникации: «Как ты относишься ко мне?» и «Как я отношусь к тебе?» – всегда остаются открытыми, их обсуждение в зависимости от используемых индивидами дискурсивных практик, сюжетных линий тех повествований и историй либо привносит в отношения качество «межличностности», либо ведет к его утрате.

Так, рассматривая практики позиционирования себя и другого в межличностном взаимодействии, К. Адамс отмечает, что следует выделять темы, различающиеся степенью лич-

ностной вовлеченности индивидов в отношения. Она обозначила их следующим образом: «Я-как-объект» (Self-as-Object), «Я-как-Другой» (Self-as-Other), «Я-как-модус отношений» (Self-as-Relational) [7, p. 185–192].

Семиотика блока «Я-как-объект» представляет вариант конструирования межличностных отношений, в которых формируется не столько вовлеченность коммуникаторов в отношения, сколько сохранение независимости, доминирование ценности индивидуального опыта. Участники не вникают в переживания, интересы, представления своего собеседника. Каждый сообщает о своем личном опыте в связи с темой разговора, не перерабатывая информацию, услышанную от своего собеседника, в ресурс межличностных отношений.

Например:

А: У меня сегодня неудачный день, все просто валится из рук.

Б: А у меня все идет прекрасно.

А: Началось с того, что утром, опаздывая на работу, я столкнулся с шефом. И он пожелал узнать, почему я опоздал. А я и опоздал-то всего чуть-чуть.

Б: Я, кстати, на прошлой неделе опоздала всего на две минуты, так меня замучили расспросами о том, что случилось.

А: А я просто растерялся.

Б: Да, у меня тоже бывают такие дни.

Блок «Я-как-Другой» семиотически реализуется, когда оба участника вовлечены в обсуждение проблемы, представляющей значимость для одного из них, причем ответная реакция второго участника может быть как сочувствующей (см. вариант 1), так и конфронтующей (см. вариант 2).

Вариант 1.

А: Я повредил палец. Играл вчера в баскетбол и сильно ударился. Было ужасно больно.

Б: Ты подержал палец в холодной воде? Я всегда так делаю.

А: Ладно, попробую, вдруг поможет. Утром едва мог двигать им. Правда, сейчас боль меньше, чем вчера, надеюсь, хотя бы сегодня удастся поспать.

Б: Может, показаться врачу? Ты же мог сломать кость?

А: Не думаю. Я ушибал пальцы много раз, и обычно все обходилось.

Вариант 2.

А: Я повредил палец. Играл вчера в баскетбол и сильно ударился. Было ужасно больно.

Б: Подержи его в холодной воде. Это же элементарно. Любой знает, что нужно делать при сильных ушибах.

А: Ладно, попробую, вдруг поможет. Утром едва мог двигать им. Правда, сейчас боль меньше, чем вчера, надеюсь, хотя бы сегодня удастся поспать.

Б: Бесполезно. Теперь уже поздно. Дождись следующего раза...

Семиотическая реализация блока «Я-как-модус отношений» задается соответствующими замечаниями, признанием правомерности интересов каждого, обсуждением совместных действий. Если в блоке «Я-как-объект» опыт одного индивида отделен от опыта другого, несмотря на то, что он касается одной и той же области интересов, то в данном случае индивидуальные желания или мнения каждого подчинены интересам отношений. Тем самым использование дискурса «Я-как-модус-отношений» маркирует как длительность существования этой пары

(наличие биографии отношений), когда сложился определенный порядок взаимодействия между ними, известный обеим сторонам, так и (с высокой вероятностью) близость между этими людьми, каждый из которых идентифицирует себя через эти отношения [7, р. 408].

Обратим внимание на то, что в очень близких отношениях люди используют значительно больше стратегий воздействия друг на друга, чем в других видах коммуникации. Дискурсивные практики сохранения близких отношений включают как поддержку и одобрение, так и замечания и критику партнера. Тем не менее и последние следует отнести к категории «коммуникативных практик отзывчивости», отличительной чертой которых является признание партнерами взаимозависимости, переживание ими единства и неразрывности, ценности индивидуального мнения другого, его желаний, его личности. Взаимозависимость настолько важна для сохранения близких отношений, что, даже планируя действия, партнеры обсуждают свои планы друг с другом, неважно, идет речь о деле, в котором участвуют они оба или только один. То, что делает один, влияет на то, что будет делать другой, и это воспринимается как факт их отношений.

Модели коммуникативного поведения, соответствующие близким отношениям, можно определить как коммуникативный дискурс, задающий индексический контекст, т. е. указывающий на характер связи «Я» и «Другого». К числу таких действий можно отнести обращение с просьбой и предложение совета; демонстрацию одобрения и поддержки; выполнение функции адвокатов друг для друга с целью защиты и рационализации действий и чувств друг друга.

Например:

А: Я завалил этот экзамен. Вообще-то я знал ответ. Не знаю почему, но просто не смог собраться.

Б: Ничего ты не завалил. Просто ты сделал не так хорошо, как бы тебе хотелось. Ты слишком умный, чтобы завалить...

Используемые слова и реплики призваны придать диалогу или рассказу характер совместного действия.

Например:

А: Это случилось на прошлой неделе, так?

Б: Думаю, в среду вечером. Сразу после звонка Анны.

А: Да, точно. В среду. Довольно поздно вечером, когда мы уже собирались спать.

«Практики отзывчивости» не предполагают безусловного принятия точки зрения или поведения близкого человека. Наряду с открытой поддержкой партнера они могут включать замечания или упреки в его адрес. Более того, постоянное выражение одобрения, усиливая монотонность взаимодействия, может привести к риску конфликта в отношениях, например спровоцировать ответную реакцию неудовлетворенности («хоть бы раз услышать твое несогласие со мной»). Провокацией конфликта может стать и постоянный поиск недостатков («что бы ни сделал – пилишь, пилишь, пилишь»). Вместе с тем близкие партнеры скорее не квалифицируют критические замечания в адрес друг друга или выражение укоризны как проблему. До тех пор, пока несогласие между ними не воспринимается как угрожающее характеру отношений, ситуации спора или конфликтные разногласия не вызывают у них серьезного беспокойства. Высокий уровень коммуникативной свободы своим следствием имеет ощущение комфортности общения. Пары вырабатывают консенсус относительно

того, что обсуждать, а что нет, с чем соглашаться, а с чем нет, какую информацию игнорировать, а на какой сосредоточиваться, в чем доверять друг другу, а в чем нет. При этом в семейном и дружеском общении прилагаются дополнительные усилия для того, чтобы подчеркнуть открытость и сердечность отношений, искренность эмоций и оценок. Специальными маркерами искренности становятся признания («признаюсь»), клятвы («ну клянусь»; «честно-честно», «правда-правда», «ей-богу»), уверения («просто поверь»).

Объяснительные возможности праксис-ориентированной социальной семиотики в анализе межличностной коммуникации раскрыты Р. Бартом в его «Фрагментах речи влюбленного» [8]. Описанный им дискурс влюбленного (не только речевое поведение) как «некоторое место речи – место человека, который про себя (любовно) говорит перед лицом другого (любимого), не говорящего, речи, которая произносится в предельном одиночестве, которая говорится тысячами субъектов, но ее никто не поддерживает, и потому ей не остается ничего иного, как быть местом, пусть сколь угодно ограниченным, некоего утверждения» [8, с. 80–81], – впечатляющий пример парадигматической контекстуализации.

Согласно Барту, характерным свидетельством дискурса влюбленного оказывается повышенная знаковость межличностной коммуникации, вызванная постоянной необходимостью уточнения характера отношений между партнерами. «Влюбленный – это и есть стихийный семиолог! Он все время читает знаки. Только тем и занят – то это знаки счастья, то знаки несчастья. На лице другого, в его поведении. Он прямо-таки во власти знаков» [9, с. 47]. «Работа», выполняемая влюбленным, описана Бартом следующим образом: «... Для меня, влюбленного субъекта, все новое, все беспокоящее воспринимается не в виде фактов, но в виде знаков, которые необходимо истолковать. <...> Если другой дал мне этот номер телефона, знаком чего это служит? Есть ли это приглашение воспользоваться им *немедленно*, ради удовольствия, или только *при случае*, при необходимости? <...> Подчас я до изнеможения обдумываю эти “пустяки” (как скажут другие); тогда я пытаюсь одним рывком, словно утопающий, отталкивающийся ногами от морского дна, вернуться к *спонтанному* решению...: *ну так позвони ему, раз тебе этого хочется!* Но это средство тщетно: в любовном времени нельзя выстроить в линию побуждение и поступок, нельзя их совместить...» [8, с. 270–271].

Отказ от состояния влюбленности означает необходимость пройти путь изгнания образа возлюбленного из собственного Воображаемого. «В случае траура по любви объект ни мертв, ни удален. Я сам решаю, что его образ должен умереть. <...> Все время, пока длится этот странный траур, мне придется сносить два противоположных несчастья: страдать от того, что другой наличествует (продолжая невольно ранить меня), и грустить, что он умер (таким, по меньшей мере, каким я его любил). Так, я тревожусь (по старой памяти) из-за никак не раздающегося звонка, но в то же время, поскольку решил поставить крест на подобных заботах, должен себе повторять, что молчание это *в любом случае* непоследовательно: звонить мне подобало только любовному образу: образ же этот исчез; и теперь телефон, звонит он или нет, все равно возвращается к своему ничтожному существованию <...>, образ умирает, чтобы я жил. <...> Истинный акт скорби – отнюдь не страдать от утраты любимого объекта; это значит однажды констатировать появление на поверхности отношений этакого крохотного пятнышка, проступившего как симптом неминуемой смерти; в первый раз я причинил зло любимому, конечно же не желая, но и не *потеряв самообладания*» [8, с. 163–166].

Заключение. Выявленные символические регуляторы дают возможность не только семиотически осмысливать социальные позиции взаимодействующих сторон, но и предлагать процедуры самоконтроля и арсенал коммуникативных действий участникам межличностной коммуникации в качестве средств управления поведением в ситуациях межличностного общения. Различные контексты межличностного общения конституируются разными символическими средствами: с одной стороны, композиционно и стилистически оформленными коммуникативными моделями, а с другой – разнообразными способами использования языка (шире – семиотических ресурсов), т. е. дискурсивными практиками. По мере того, как человек осваивает разнообразные межличностные дискурсивные практики, ему становятся доступны различные системы отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крэйг Р. Т. Теория коммуникации как область знания // Компаративистика-III: альманах сравнительных социогуманитарных исследований / под ред. Л. А. Вербицкой, В. В. Васильковой, В. В. Козловского, Н. Г. Скворцова. СПб.: Социол. общество им. М. М. Ковалевского, 2003. С. 72–126.
2. Thibault P. J. Social semiotics as praxis: text, social meaning making, and Nabokov's Ada. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1991.
3. Lemke J. L. Discourse, Dynamics, and Social Change // Cultural Dynamic. 1993. Vol. 6 (1). P. 243–275.
4. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. А. Г. Погоняло, В. Г. Резника. СПб.: Петрополис, 1998.
5. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое Литературное Обозрение, 1996.
6. Милевская Т. В. Грамматика дискурса. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2003.
7. Fisher A. B., Adams K. L. Interpersonal communication. Pragmatics of Human Relationships. 2nd. ed. NY: McGraw-Hill, 1994.
8. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного / пер. с фр. В. Е. Лапицкого. М.: Ad Marginem, 1999.
9. Зенкин С. Стратегическое отступление Ролана Барта // Барт Р. Фрагменты речи влюбленного / пер. с фр. В. Е. Лапицкого. М.: Ad Marginem, 1999. С. 5–77.

Информация об авторе.

Казаринова Надежда Васильевна – кандидат философских наук (1985), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 80 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология коммуникаций, межличностная коммуникация, методология социального знания.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 17.05.2024; принята после рецензирования 13.06.2024; опубликована онлайн 24.09.2024.*

REFERENCES

1. Craig, R.T. (2003), "Communication Theory as a Field", *Komparativistika-III: Al'manakh sravnitel'nykh sotsiologumanitarnykh issledovaniy* [Comparativistics-III: Almanac of comparative socio-humanitarian studies], in Verbitskaya, L.A., Vasil'kova, V.V., Kozlovsky, V.V. and Skvortsov, N.G. (eds.), Sociological Society named M.M. Kovalevsky, SPb., RUS, pp. 72–126.
2. Thibault, P.J. (1991), *Social semiotics as praxis: text, social meaning making, and Nabokov's Ada*, Univ. of Minnesota Press, Minneapolis, USA.

3. Lemke, J.L. (1993), "Discourse, Dynamics, and Social Change", *Cultural Dynamics*, vol. 6 (1), pp. 243–275.
4. Eco, U. (1998), *La Struttura Assente. Introduzione Alla Ricerca Semiologica*, Transl. by Pogonyailo, A.G. and Reznik, V.G., Petropolis, SPb., RUS.
5. Gasparov, B.M. (1996), *Yazyk. Pamyat'. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language. Memory. Image. Linguistics of linguistic existence], Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moscow, RUS.
6. Milevskaya, T.V. (2003), *Grammatika diskursa* [Grammar of discourse], Izd-vo Rost. un-ta, Rostov n/D, RUS.
7. Fisher, A.B. and Adams, K.L. (1994), *Interpersonal communication. Pragmatics of Human Relationships*, 2nd ed., McGraw-Hill, NY, USA.
8. Barthes, R. (1999), *Fragments d'un discours amoureux*, Transl. by Lapitskii, V.E. Ad Marginem, Moscow, RUS.
9. Zenkin, S. (1999), "Roland Barthes' Strategic Retreat", *Fragments d'un discours amoureux*, Transl. by Lapitskii, V.E., Ad Marginem, Moscow, RUS., pp. 5–77.

Information about the author.

Nadezhda V. Kazarinova – Can. Sci. (Philosophy, 1985), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 80 scientific publications. Area of expertise: sociology of communications, interpersonal communication, methodology of social knowledge.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 17.05.2024; adopted after review 13.06.2024; published online 24.09.2024.*